

DOI 10.31483/r-154244

Савченко Дмитрий Александрович

СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Аннотация: в работе представлены результаты исследования юридических свойств стратегий национального и регионального развития. Сделан вывод о том, что в процессе разработки, принятия и утверждения такой стратегии происходит трансформация его правовой природы. Из научного документа она становится сначала индивидуальным, а затем нормативным актом, который содержит адресованные неконкретизированному кругу субъектов общественных отношений предписания, рассчитанные на неоднократное применение (правовые нормы).

Ключевые слова: стратегия, правовой акт, развитие, административное право, финансовое право, специализированные правовые нормы.

Abstract: the paper presents the results of the study of the legal nature of the Development Strategy. It is concluded that in the process of development, adoption and approval of such a Strategy there is a transformation of its legal nature. From the scientific document, it becomes first an individual, and then a normative act, which contains instructions addressed to the non-specific circle of subjects of public relations, designed for repeated application (legal norms).

Keywords: strategy, legal act, development, administrative law, financial law, specialized legal norms.

Планирование представляет собой целенаправленную деятельность по определению методов решения стоящих перед социальным субъектом задач, более или менее конкретных этапов и сроков их реализации, а также необходимых для этого материально-технических, кадровых и иных ресурсов. Планирование играет важную роль в обеспечении эффективности человеческой деятельности, вообще, и деятельности по целенаправленному развитию социально-экономических условий жизнедеятельности людей, в частности.

В зависимости от масштаба задач, на решение которых направлено планирование, и вытекающих из этого фактора сроков их реализации («горизонта планирования») выделяют следующие виды планирования:

- оперативное (краткосрочное), охватывает период от нескольких месяцев до года и направлено на решение ближайших задач;
- тактическое (среднесрочное), определяющее способы решения задач, стоящих перед социальным субъектом на ближайшие 1–3 года;
- стратегическое (долгосрочное), определяющее основные направления развития социального субъекта в перспективе от 3–5 лет и более.

В современных условиях решающую роль в стратегическом планировании в Российской Федерации играет государство, которое стало «не только контролирующим и регулирующим органом, но и субъектом, претворяющим в жизнь инновационную политику» [2, с. 41].

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ (далее – ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации») стратегическое планирование представляет собой деятельность уполномоченных социальных субъектов по «целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» [11].

Как следует из этого определения, стратегическое планирование призвано обеспечивать решение двух взаимосвязанных между собой групп задач:

- задачи устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований;
- задачи обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

При этом для целей стратегического планирования все решаемые задачи рассматриваются с трех точек зрения (подходов):

- территориальной (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования);
- отраслевой (отрасли экономики);
- функциональной (сферы государственного и муниципального управления).

В последние десятилетия в Российской Федерации сформировалась система стратегического планирования, осуществляемого на национальном – федеральном уровне, а также на региональном уровне – уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований.

Эта система, в соответствии со ст. 3 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», представляет собой механизм осуществляемого на основе единых принципов (принципов стратегического планирования) согласованного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования их деятельности, требующей финансового и иного ресурсного обеспечения.

Из указанного определения следует, что характеристика механизма стратегического планирования предполагает выделение следующих элементов:

- наиболее общие правила, то есть основные принципы стратегического планирования;
- основные этапы деятельности по стратегическому планированию;
- финансовые и иные ресурсы, обеспечивающие воплощение планов в жизнь, то есть реализацию результатов стратегического планирования.

Легальная характеристика системы наиболее общих правил (норм-принципов) стратегического планирования дана в ст. 7 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Она включает следующие двенадцать принципов:

- единства и целостности,
- разграничения полномочий,
- преемственности и непрерывности,
- сбалансированности системы стратегического планирования,

- результативности и эффективности стратегического планирования,
- ответственности участников стратегического планирования,
- прозрачности (открытости) стратегического планирования,
- реалистичности,
- ресурсной обеспеченности,
- измеряемости целей,
- соответствия показателей целям,
- программно-целевой принцип.

Несоблюдение этих принципов способно, по выражению профессора Алексея Васильевича Тебекина, стать «основной причиной неудовлетворительного характера реализации процессов» стратегического планирования [12, с. 22].

В соответствии со ст. 3 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» могут быть выделены четыре основных этапа деятельности по стратегическому планированию:

- целеполагание;
- прогнозирование;
- планирование (в узком смысле слова);
- программирование.

Нормативной основой целеполагания как этапа стратегического планирования в Российской Федерации выступают положения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [3] (далее – Указ). В преамбуле и в первом пункте этого правового акта закреплена система целей, включающая два уровня:

- первый уровень: базовые, фундаментальные, постоянные национальные цели развития;
- второй уровень: национальные цели развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

В качестве базовых и постоянных в преамбуле Указа определены три цели:

- обеспечения устойчивого экономического и социального развития Российской Федерации;
- укрепления государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета;
- увеличения численности населения страны и повышения уровня жизни граждан.

Именно такая триада целей (развитие – суверенитет – уровень жизни) конкретизирована в семи национальных целях развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, определение которых учитывает особенности современного положения страны и перспектив ее развития в стратегическом горизонте. К этим целям в п. 1 Указа отнесены:

- а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;
- б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) экологическое благополучие;
- д) устойчивая и динамичная экономика;
- е) технологическое лидерство;
- ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

При этом для каждой цели в Указе установлены целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует ее достижение.

Кроме того, в преамбуле Указа отмечено, что определение национальных целей развития основывается на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Уточнены и принципы, положенные в основу определения национальных целей развития. К ним отнесены принципы:

- патриотизма,
- приоритета человека,

- социальной справедливости и равенства возможностей,
- обеспечения безопасности государства и общественной безопасности,
- открытости внешнему миру,
- экономического развития, основанного на честной конкуренции, предпринимательстве и частной инициативе, высокой эффективности и технологичности.

Они играют значимую онтологическую, конкретизирующую и ориентирующую роль при реализации общих принципов стратегического планирования, закрепленных в ст. 7 ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Заметное, ключевое место на национальном уровне российской системы стратегического планирования занимает Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [5], а также отраслевые и функциональные стратегии безопасности и развития России.

К последним, в частности, относятся Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [11], Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [9], Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [7], Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации [4], Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года [8] и другие. В них применительно к соответствующей сфере уточняется целеполагание, реализуется прогнозирование, а также закладываются основы планирования (в узком смысле слова).

Все вышеотмеченное свидетельствует о том, что в современных условиях национальное стратегическое планирование в России имеет достаточно подробную нормативно-правовую регламентацию.

Важным элементом российской системы стратегического планирования являются стратегии развития регионов Российской Федерации (далее – стратегии регионального развития, Стратегии).

К ним в первую очередь относятся стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [12, ст. 32], под которыми понимаются документы стратегического планирования, определяющие приоритеты,

цели и задачи государственного управления на уровне субъекта Российской Федерации на долгосрочный период.

Они должны содержать также показатели достижения целей социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, сроки, этапы и ожидаемые результаты реализации стратегии, оценку необходимых для этого финансовых ресурсов.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации утверждается законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

Если в пределах субъекта Российской Федерации имеются территории, социально-экономические условия которых требуют выделения особых направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития, то в соответствии с законом субъекта Российской Федерации могут разрабатываться и стратегии социально-экономического развития части территории субъекта Российской Федерации.

Кроме того, к стратегиям регионального развития относятся стратегии социально-экономического развития макрорегионов. Они могут разрабатываться по решению Правительства Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в целях обеспечения согласованности проведения в территориальном и временном отношениях мероприятий, предусмотренных стратегией пространственного развития Российской Федерации и иными отраслевыми документами стратегического планирования в соответствии со стратегией национальной безопасности Российской Федерации, стратегией социально-экономического развития Российской Федерации, а также на основе данных прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период [12, ст. 21].

К стратегиям регионального развития относятся, наконец, стратегии социально-экономического развития муниципального образования и план мероприятий по ее реализации, которые могут разрабатываться, утверждаться (одобряться) и реализовываться по решению органов местного самоуправления [12, ст. 39].

В современных условиях стратегии развития регионом должны учитывать и обеспечивать реализацию Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [6].

Созданию и реализации стратегий регионального развития в нашей стране придается большое значение. На их разработку выделяются значительные политические, интеллектуальные и финансовые ресурсы. От реализации Стратегий общество вправе ожидать реального развития экономики региона и улучшения условий жизни его населения. Это требует эффективного использования всех тех возможностей, которые возникают у органов государственной власти и местного самоуправления в связи с принятием стратегий регионального развития, в том числе возможностей правового характера.

Вместе с тем до настоящего времени остается неопределенность в вопросе о правовой природе стратегии регионального развития. ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», подробно описав систему стратегического планирования, не дал ответа на вопрос о юридическом значении ее документов, в том числе стратегий развития. Позволим себе кратко изложить результаты нашего исследования правовой природы стратегий национального и регионального развития.

Стратегия национального и регионального развития на различных этапах ее создания (разработка, принятие, официальное утверждение) имеет неодинаковую правовую природу.

В процессе разработки и принятия вплоть до ее официального утверждения Стратегия представляет собой научный документ организационного характера.

После своего утверждения уполномоченным государственным органом этот документ получает дополнительные свойства – он вводится в национальную и

региональную правовую систему в качестве одного из элементов механизма правового воздействия на общественные отношения.

Подготовка стратегии вплоть до ее официального утверждения представляет собой реализацию правовых норм о стратегическом планировании. Так, например, правовую основу разработки стратегии социально-экономического развития Новосибирской области [10] составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента России, постановления Правительства России, Устав Новосибирской области, законы Новосибирской области, прежде всего, Закон Новосибирской области от 18.12.2015 №24-ОЗ «О планировании социально-экономического развития Новосибирской области», постановления и распоряжения Губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области.

С этой точки зрения принимаемый уполномоченным государственным органом правовой акт о стратегии развития имеет признаки индивидуального правового акта – акта реализации права.

После своего официального утверждения Стратегия становится руководством к действию для всех органов и организаций, участвующих в ее исполнении. У них возникают обязанности совершать действия, необходимые для реализации стратегии, и воздерживаться от действий, препятствующих воплощению положений Стратегии в жизнь. В результате Стратегия приобретает характер нормативного правового акта.

Таким образом, в процессе разработки, принятия и утверждения Стратегии происходит трансформация ее правовой природы. Из научного документа она становится сначала индивидуальным, а затем и нормативным актом, который содержит адресованные неконкретизированному кругу субъектов общественных отношений предписания, рассчитанные на неоднократное применение (правовые нормы).

С теоретической и практической точки зрения представляет интерес ответ на вопрос о правовой природе отдельных предписаний стратегии развития региона исходя из вида содержащихся в ней правовых норм и их отраслевой принадлежности.

В теории отечественного права правовые предписания принято разделять на регулятивные, охранительные и специализированные [1, с. 67–71]. Содержащиеся в Стратегии нормы имеют неодинаковую правовую природу.

Как было отмечено выше, стратегии социально-экономического развития призваны определять приоритеты, цели и задачи государственного управления регионов [12, ст. 32]. Ключевая юридическая нагрузка падает при этом на положения, закрепляющие задачи управления, под которыми понимается «комплекс взаимосвязанных мероприятий, которые должны быть проведены в определенный период времени» [12, ст. 3 п. 14]. Соответствующие нормы являются регулятивными – они определяют обязанности государственных и муниципальных органов.

Предписания о целях и приоритетах управления могут быть охарактеризованы как нормы специализированные, а точнее – декларативные (нормы-цели и нормы-принципы).

Целью социально-экономического развития называют такое состояние экономики и социальной сферы, которое определяется участниками стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями [12, ст. 3. п. 13]. Нормы, указывающие эти ориентиры (состояния), относятся к нормам-целям.

Положения о приоритетах социально-экономического развития отражают основополагающие идеи о последовательности достижения целей и решения задач, тем самым играя роль принципов управленческой деятельности, обеспечивающей развитие региона (нормы-принципы). Наряду с приоритетами Стратегия может включать и другие нормы-принципы. Так, например, стратегия социально-экономического развития Новосибирской области включает следующие положения: «Обеспечение общественного согласия в сочетании с эффективным административным механизмом реализации стратегии является решающей предпосылкой достижения поставленных стратегических целей. Ключевым принципом реализации стратегии является создание системы эффективного взаимодействия

органов государственной власти регионального и федерального уровня, представителей науки, образования, профессионального сообщества и бизнес-сообщества, а также гражданского общества».

Как отмечал профессор Сергей Сергеевич Алексеев, «практически важным является деление норм на общие и особенные, причем к особенным относятся... местные (ведомственные), временные нормы» [1, с. 77].

Предписания Стратегии могут быть отнесены к нормам особенным. Ведь с точки зрения классификации правовых норм по времени их действия (постоянные – временные) закрепленные в Стратегии предписания изначально являются временными, так как их обязательность (действие) имеет временные пределы – они рассчитаны на определенный период.

При этом нормы стратегии регионального развития призваны конкретизировать – применительно к определенному региону – общие нормы об основных направлениях развития страны в целом. С этой точки зрения нормы стратегии могут быть определены как местные и конкретизирующие.

С точки зрения отраслевой принадлежности нормы Стратегии относятся прежде всего к двум отраслям права: административному и финансовому. Ведь основным адресатом норм, закрепленных в Стратегии, являются органы государственного управления. А отношения, возникающие при реализации этими органами своих властных полномочий, относятся, как известно, к предмету именно административного права.

При этом важнейшим вопросом стратегического планирования является определение приоритетов использования имеющихся в распоряжении региональных органов финансовых ресурсов, в том числе на основе координации государственного (муниципального) стратегического управления и бюджетной политики. С этой точки зрения регулируемые Стратегией общественные отношения по поводу направлений использования общественных финансовых ресурсов относятся к предмету финансового права.

Вместе с тем отмеченные правовые свойства Стратегии могут остаться не реализованными, а ее природа как нормативного правового акта – лишь потенциальной и не востребованной, если органы государственной власти и местного самоуправления не будут руководствоваться ею в своей деятельности, а органы, призванные осуществлять контрольную, надзорную и экспертную деятельность (например, в сфере правового мониторинга и экспертизы), не станут сопоставлять с предписаниями Стратегии принимаемые органами управления акты или их проекты.

К сожалению, некоторые обстоятельства, препятствующие реализации юридического потенциала стратегии регионального развития, могут быть заложены в содержании самой Стратегии. Речь идет прежде всего о закреплённом в документе механизме контроля ее реализации.

Так, например, в разделе 10.7. «Система управления и результаты реализации стратегии социально-экономического развития Новосибирской области» справедливо отмечается: «Целью мониторинга реализации стратегии является осуществление контроля запланированных результатов социально-экономического развития Новосибирской области на основе комплексной оценки целевых показателей и ориентиров <...> Текущий контроль осуществляется постоянно в течение всего периода реализации стратегии путем ежегодного мониторинга и анализа промежуточных результатов ее реализации».

Однако сам механизм контроля описан в документе следующим образом: «...основная работа по обеспечению выполнения положений настоящей стратегии будет связана с контролем реализации плана мероприятий по реализации стратегии и государственных программ... Итоги мониторинга реализации стратегии отражаются в ежегодном отчете о ходе исполнения плана мероприятий по реализации стратегии».

К документам, в которых отражаются результаты мониторинга реализации документов стратегического планирования Новосибирской области, отнесены также ежегодный отчет губернатора Новосибирской области о результатах деятельности Правительства Новосибирской области и сводный годовой доклад о

ходе реализации и об оценке эффективности государственных программ Новосибирской области [10].

Как видим, сопоставление результатов работы региональных органов власти с самой Стратегией даже не предполагается, что может значительно усложнить объективную оценку как хода ее реализации, так и степени соответствия принимаемых управленческих решений региональным стратегическим целям и задачам, а также определение необходимости корректировки этих стратегических целей и задач.

Юридический потенциал Стратегии может быть в значительной мере снижен и в результате необоснованного увеличения объема документа (например, за счет значительного массива данных о текущем социально-экономическом состоянии региона), что неизбежно ведет к «инфляции» его регулирующих возможностей (так, явно завышен, по нашему мнению, объем стратегии социально-экономического развития Новосибирской области, который без приложений составляет более 230 страниц, тогда как, например, Стратегию национальной безопасности Российской Федерации [5] ее авторы смогли изложить на 28 страницах). К этому же результату приводит безграничное увеличение количества указываемых в стратегии целей, их дополнение целями «второго уровня», а также формулирование фактически целей «третьего уровня», но уже под видом задач. В итоге документ, который призван закреплять стратегию, фактически описывает тактику, в том числе тактику различных по значимости мероприятий.

Серьезным юридическим недостатком Стратегии может стать, наконец, неконкретное определение задач, которые необходимо решить для достижения стратегических целей. Формулировки этих задач должны ориентироваться на компетенцию региональных органов власти и имеющиеся у них ресурсы. В противном случае задачи становятся безадресными, а контроль за их решением – трудноосуществимым.

Поэтому определению задач должна предшествовать оценка имеющихся в распоряжении органов власти ресурсов, а также определение факторов, которые

в предыдущие периоды не позволили эффективно использовать эти ресурсы для достижения желаемого уровня социально-экономического развития региона.

Таким образом, для эффективной реализации юридического потенциала стратегии регионального развития этот документ должен быть небольшим по объему (до 30 страниц), с ограниченным количеством стратегических целей (5–7 целей) и четким указанием задач органов власти по использованию имеющихся в их распоряжении возможностей и ресурсов для достижения соответствующих целей.

Он должен предусматривать проведение уполномоченными органами обязательной оценки соответствия Стратегии проектов принимаемых в регионе нормативных правовых актов, а также регулярный мониторинг достижения установленных в документе стратегических целей с подготовкой отчета о ходе реализации Стратегии.

В заключение, подводя итог исследованию правовой природы стратегий национального и регионального развития отметим, что закрепленные в Стратегии правовые нормы могут быть охарактеризованы как рассчитанные на определенный период времени регулятивные и специализированные нормы административного и финансового права, конкретизирующие общие цели и принципы развития страны применительно к соответствующей территории, отрасли экономики или сфере управления.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2 / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
2. Антонова З.Г. Стратегическое развитие России на современном этапе / З.Г. Антонова // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. – 2012. – №6. – С. 37–43. EDN PVIEKV
3. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития РФ» от 28.02.2024 №145 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=606500763> (дата обращения: 16.02.2026).

4. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015 №683 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» от 28.12.2024 №4146-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 16.02.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» от 26.10.2020 №645 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102888023> (дата обращения: 16.02.2026).

7. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» от 08.12.2025 №896 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512090003> (дата обращения: 16.02.2026).

8. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 №203 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> (дата обращения: 16.02.2026).

9. Постановление Правительства Новосибирской области «О Стратегии социально-экономического развития Новосибирской области на период до 2030 года» от 19.03.2019 №105-п // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <https://www.nso.ru/page/2412> (дата обращения: 20.02.2026).

10. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 №208 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102432051> (дата обращения: 16.02.2026).

11. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ // Российская газета. – 2014. – №146.

12. Тебекин А.В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года / А.В. Тебекин // Теоретическая экономика. – 2021. – №10. – С. 13–26. DOI 10.52957/22213260_2021_10_13. EDN MFZEWL

Савченко Дмитрий Александрович – д-р юрид. наук, профессор кафедры истории государства и права, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина», Москва, Россия.
